

ложили начало оформлению юридического статуса феодально-зависимого населения в деревне и свободных ремесленников в городе.

При характеристике феодальной формации следует помнить, что она — более прогрессивна, чем рабовладельческая. Нельзя ограничиться противопоставлением одного строя другому, простой констатацией того, что в рабовладельческом обществе средства производства и объекты труда в основном принадлежали рабовладельцу, тогда как в феодальном обществе они обычно находились в личной собственности трудящегося, а объекты приложения труда или находились во владении, или передавались для хозяйствования непосредственному производителю; при этом прибавочный продукт переходил собственнику объектов приложения труда. На наш взгляд, для определения прогрессивности того или иного общественного строя необходимо учитывать развитие культуры в целом, те достижения прошлого, которые сделали возможным переход к новому обществу, т. е. наличие преемственности. Трудно представить, чтобы общественный строй, описанный Григорием Турским или Раулем Глабером, был более прогрессивным, чем строй, знакомый нам хотя бы по письмам Плиния или по речам Либания. Позднеантичные традиции сохранились на Западе VI—IX вв. в технике сельского хозяйства и отчасти в рецептах ремесла и в денежном обращении. Мы не можем считать общественный строй раннесредневекового Запада прогрессивным лишь до времени расцвета городов. Это был провал, гигантский скачок назад. «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, — говорил В. И. Ленин, — недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁶.

Остановимся на третьей, главной конструктивной задаче того времени — построении нового. Для людей средневековья рождение элементов нового общества (колонат, новые формы сеньориальной эксплуатации, частная власть, основанная на крупном замлевлании, изменение роли рабов), естественно, не могло быть осознанным процессом. Господствующие классы стремились извлекать максимум пользы для себя и вводили новшества прежде всего потому, что видели в них выгоду. Правительство Позднеримской империи экономическими и социальными мероприятиями старалось сохранить господствующие социальные отношения, и его нововведения имели целью лишь укрепление старого.

В то же время народные массы стремились к новому, да и верхушка понимала, что оставлять все по-прежнему невозможно, — нужно было «новое». Стихийные протесты против существующего проявлялись раньше всего среди трудящихся масс. В. И. Ленин говорил о революционной инициативе масс, о том, что не было в истории такого движения, которое бы не начиналось со стихийных, неорганизованных взрывов. Но это движение было направлено не только против рабства. Народные массы недовольны были другим. Мы знаем, как быстро развивалась античная цивилизация, каких вершин достигла наука, доступная меньшинству, как возводились новые города с театрами, водопроводами, как быстро увеличивалась интеллигенция и росло число праздных сторонников Эпикура, как разрасталась торговля и усиливалась роскошь господствующих классов. И все это осуществлялось за счет труда народных масс. Темпы развития цивилизации не соответствовали темпам создания средств существования и уровню производительных сил общества. Это несоответствие возможно было в таком строе, где вместо хозяйственных принципов *do ut des* и *do ut facias* преобладал принцип *dominium*.

Античная культура ложилась тяжким бременем на трудящихся. Римская империя жила «не по карману». Отсюда понятно, почему протест против рабовладельческого строя в народных движениях направлялся

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.